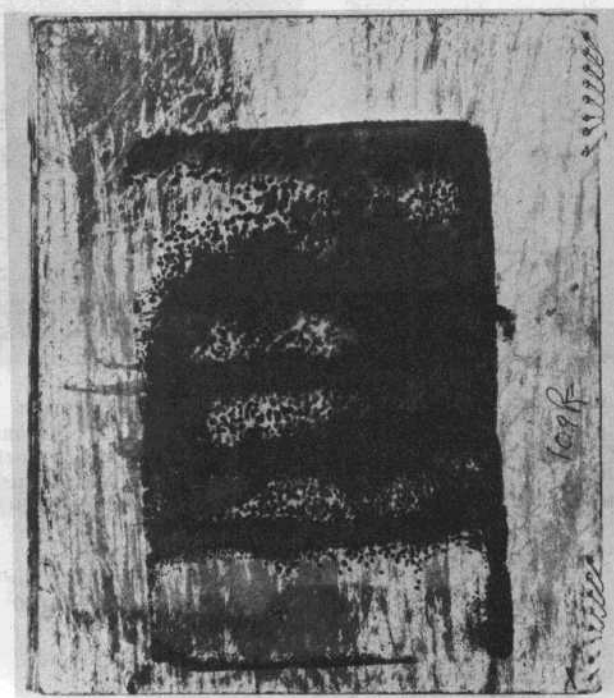

"General Notebook" containing copies of verses of Soviet poets.

COMMISSION EXHIBIT 106

К. Симонов
(из лирического дневника)

Я много жил в гостиницах
Сходил на разных станциях,
Что впереди раскинется —
Все позади останется.
Я не скучал в провинции,
Довольный перелетом.
И мелкие провинциальности
Не называл изменами.
Искал хоть в прохожую,
Далекую, неверную
Но не тебе похожую —
Такой и нет, наверное.
Таких, что вдруг приснятся мне
Твои серые, твои синие
Глаза твои с ресницами
В порывах сна и мне.

K. Simonov
(From a Lyrical Diary)

I lived in hotels a great deal
And got off at various stations;
Anything stretching out ahead of me
Would eventually be left behind.
I was not bored in the provinces
And was pleased with changes;
I did not give the name of unfaithfulness
To my small transgressions.
I was looking for a remote one,
Unfaithful one, even if she would be
But a passer-by,
As long as she resembled you—
One like that, who probably does not even exist.
Someone whose eyes are sometimes grey, sometimes dark-blue,
Between the eyelashes sprinkled with snowy hoar-frost,
Which I would suddenly dream about.

Лицо твое, усталое
 Несхожее с портретами,
 С мороза губы толще
 От снега. мной согретые,
 И твой лениво брошенный
 Взгляд, ознобивший искони....
 Не я тобою искоенный.
 Я просто так, обласканный
 За то, что в ночь с порошного,
 За то, что в холод сказкою,
 Согрел тебя, хорошую....
 И знаете ли, что странного
 Себя легкой тревожу я,
 И ты не ты, желанная,
 А просто так,.... похожая.

==//==

Your tired face
 Which does not resemble portraits,
 Lips upon which snow melts,
 Warmed up by me.
 And your glance lazily thrown my way,
 Which has always meant
 That I was not the one you were seeking,
 That I was simply someone
 You were kind to,
 Because on a snowy night,
 When it was cold,
 I warmed you, my good one,
 With a fairy tale . . .
 And do you know, that I trouble myself
 With a strange fancy,
 That you, too, are not the one I desire,
 But merely someone who resembles her?

COMMISSION EXHIBIT 106—Continued

Я очень тоскую, и бы хотелось рад
Другую такую, или скатать назад
Но где же мне руки такие же взять
Чтоб так же в разлуке без них тосковать?
Где с той же злостью найти мне глаза
Чтоб редкою злостью была в них слеза,
Чтоб вся и была, что вновь не придет
Где взять мне такую, чтоб всё ей простить
Чтоб жить с ней, раскуд не долго прожить
Чтоб с каждым рассветом, вставая без нее
Таким же счастливым быть, как она?
С беспутной и милой,
С ней ночь коротать,
Чтоб завтра ни силой
Ни лаской не взять,
Чтоб завтра с тоскою себя проклина

I am pining away; I would like to find
Another one like you rather than go back,
But where can I find the arms
That I would miss so in separation?
Where can I find eyes filled with the same anger,
But rarely with tears?
The one who would always make me afraid that she will not come?
Where can I get another one like this, the one whom I forgive anything?
With whom I would live risking to lose her at any time?
So that with every dawn, arising after a sleepless night,
To be as arrant as she is?
To spend the night
With the one so dissipated, yet so sweet,
And then not being able the next day
To take her either by force or caress?

Лишь слышать глухое :
 " Не трогай меня ! "
 Чтоб встретясь с ней взглянул
 В бессонной тиши,
 Любить с ней две родом живущих души,
 Не зная, что случится с утра до темна,
 Какой обернется душою она.
 Я с ней измучась не знаю, как жить.
 Хотел свою угасть с другою облежить,
 Но стоишь другою её заменить
 Вновь только такое рождало мне быт,
 Злой, и бесценной,
 Приклятой такой,
 Нет в целой вселенной
 Второго по руке

So as to curse oneself next day with a longing
 And to hear nothing but a hollow,
 "Don't touch me!"
 So as, on meeting her glance
 In a sleepless stillness,
 To love two souls living within her, side by side.
 Not to know what may happen between morning and night,
 What soul would she turn to have ;
 Exhausted by her, I do not know how to live ;
 I would like to make my lot easier with another one,
 But to replace her with another
 That other one would have to be exactly like her,
 Wicked and priceless,
 And accursed like her.
 No, there is no second one like her
 In the entire universe.

COMMISSION EXHIBIT 106—Continued

Я пишу тебе каждый вечер.
 Говорю тебе обо всем
 По привычке нашей давнишней,
 А когда встретимся днем —
 Мы друг другу нужны и лишние.
 Страшно думать теперь о том,
 Что было — всё то уже было.
 Я боюсь думать тогда
 Что ты меня не любила,
 Можно дать поцелуй без любви
 Губы лгут в угаре
 Я же видел слезы твои.
 И знаю, что губы не лгали

==//==

I write to you every evening;
 I tell you about everything
 According to our long-time habit,
 But when we meet in the daytime,
 We are strangers who do not need each other.
 It is terrible to think about what had been,
 All that had already been.
 Sometimes I am ready to think
 That you did not love me;
 It is possible to give a kiss without love;
 Lips lie in the heat of passion;
 But I saw your tears
 And know your lips did not lie.

COMMISSION EXHIBIT 106—Continued

Не сердимся - к муженьку,
 Чтоб себе не мучат,
 Я пишу от слуги
 До дружка слуги.
 Письма пишут разные
 Слезные, болезненные
 Уморы - призрачные
 Разные - бесполезные
 В письмах всё не скажется,
 И не всё услышится
 В письмах всё не покажется,
 Это не так пишется,
 Говорю, так пишется
 Ничего отговаривать,
 Я пишу - так пишу не
 Письма переписывать.

It is for the best, that you are not angry
 Because in order to save myself trouble,
 I write only from time to time.

Different letters are written—

Tearful, filled with pain;

Sometimes—beautiful,

More often—useless.

You cannot tell everything in letters

Neither can you hear everything in them;

We keep feeling that we cannot

Express ourselves in letters the way we should.

Should I come back, you would not have

To scold would-be husbands (?)

And should I die—there is nothing worse

Than rereading old letters.

COMMISSION EXHIBIT 106—Continued

Чтоб вам не беспокоиться
 Не возить их тачкою
 Будут путешествовать
 С вами тонкою пачкою.
 А замужней станете,
 Обо мне заботьтесь,
 Им легко достанется
 И легко приобретете.
 От него ревнивого
 Заперевшись в комнате
 И меня, ленивого
 Доброе слово вспомните.
 Скажете, что к мужику
 Память вам не мучает,
 Он писал от мучал
 До другого мучал.

==//==

H

It would not be difficult for you;
 You would not have to cart them in wheelbarrow;
 They would travel with you in a thin bundle.
 And when you got married,
 And would cry for me,
 It would be easy for you to get them out
 And to hide them
 From him, the jealous one,
 Locking yourself in your room.
 And you would remember me, the lazy one,
 With a kind word.
 You would say that it was for the best
 That without torturing your memory
 He wrote to you only from time to time.

COMMISSION EXHIBIT 106—Continued

СЫН

Был он немалорос, но бравый
Шел по пути без долгих соборов
Наводил мосты, переправы
Ни не шел от своих сапёров.
И пошел под сальными берлинцами,
На последнем на поле минном,
Не простясь со своим подруком,
Не зная, что родит ему сына.
И осталась жена в Тамбове,
И осталась в полку саперном
Та, что стала его любовью,
В сорок первом, от горя горела;
Та, что думала без загла:
Как там в дружбе с ней решить
Но войну все прощала с ним разлуку,
Не боясь жизни лишиться.... I

A SON

He was not young but brave;
He went toward the bullets without a long preparation;
He built bridges and crossings
And never lagged one step behind his soldiers.
He died on the very threshold of Berlin,
In the last mine field,
Without saying good-bye to his companion,
Without learning that she would bear him a son.

His wife was left in Tambov
And in the field-engineer regiment remained
The one who became his love
In forty-one, a year black with misery;
The one who did not think far ahead
Wondering what her future would be;
But marched through the entire war by his side
Without fear for her own life . . .

She did not want anything from him;
She did not ask him anything for herself,

COMMISSION EXHIBIT 106—Continued

Ничего от него не хотела
 Ни о чем для себя не просила,
 Но от пуль, закрыв своим телом
 Из огня его выносила.
 И выхаживала его ночами,
 Ни брака с него обещаний.
 Ни жалеться, ни разводиться,
 Ни писать для неё завещаний.
 И не так уж она красива,
 Неприятные женские ступни.
 Ну, да видно не в этом сила,
 Он её и не видел в платье;
 Бывшие всё в сапогах кожаных,
 С самодельной сумкой, в пилотке.
 Но дорогах войны грозных
 Где друзья бьют во всю штыку
 В чём её красоте увидеть
 В том ли, как была себе смело?
 Или в том, как людей любила?

But covering him from bullets with her own body,
 She brought him out of the line of fire.
 She nursed him nights on end,
 Without taking any promises from him,
 Neither to marry, nor to divorce,
 Nor to write any wills for her.
 She was not very beautiful,
 With nothing remarkable about her womanly figure,
 But, apparently, this did not matter;
 But then, he had never seen her wearing a dress;
 Mostly, wearing boots,
 With a medical bag, and wearing a forage cap,
 On the stormy roads of war,
 Where guns bray at the top of their voices.
 Where did he see beauty in her?
 Was it in the way she courageously conducted herself?
 Or in the way she sympathized with the people?
 Or the way she could love?
 But she did love him very much,

Видь в том, как молить умела?
 А что очко его морщило,
 Каким ему отдал бы возврата,
 Это так, это было — то было...
 Хоть он не скрив, что мянчил.
 ... Помирает жена полковника
 Своего пенсией за покойника
 Старший сын работает сам уже
 Даже дочь уже гор как замужняя
 Но живет еще где-то женщина,
 Что зовут дроздовой женой.
 Не обещано, не завершено
 Было только ей одной.
 Только ей одной за молодичка,
 Что читает первые книжки,
 Что с трудом одет за заплаток
 Но ей медсестры зарплату.
 Умирает отец он слепой,
 Что был добрый, храбрый, упрямый,

K

Giving him her life irrevocably;
 This is true; it cannot be denied . . .
 Although he did not conceal from her the fact that he was married.
 . . . The colonel's widow receives her pension
 For the dead one;
 His eldest son is already independent and working;
 Even his daughter has been married for a year.
 But somewhere still lives another woman
 Who was called his "war wife."
 Only to her alone
 Nothing was promised, nothing was willed.
 Only to her alone and a little boy
 Who is reading his first books,
 Whom it is hard to clothe without patches
 On her hospital nurse's salary.
 Sometimes he hears about his father,
 That he was kind, brave, and stubborn,
 But he does not write his father's surname

До рожишки его не пишай
 Но петрарках, купеческих мамой.
 Он имеет сестру и брата,
 Ну, а что ему в том рожа-то?
 Он подарков от них не просит,
 Только маму пусть не поносит.
 Даже пусть она виновата
 Терял кем-то, в чем-то, когда-то,
 Но какой ханжа озабочен —
 Наравнять ребенку пощечин?
 Сплетней души ему не трогайте!
 Мальчик вправе спокойно знать,
 Что отец его пал на фронте
 И два раза ранена мать.
 Есть над койкой его на коврике
 Снимок Одерской переправы
 Где с покойным отцом — покойником
 Мать рядом стоит по праву.
 Незабывая, незамысливая,

Upon notebooks purchased by his mother.
 He has a sister and a brother,
 But what good is in this for him?
 He does not ask for presents from them,
 As long as they do not abuse his mother.
 Even if she were guilty of something,
 Before someone, long time ago,
 But what hypocrite would worry about
 Slapping a child's face?
 Do not touch his soul with gossip!
 The boy has the right to know in peace
 That his father fell at the front
 And his mother was twice wounded.
 There is pinned to a wall rug, over his head,
 A photo of an Oder crossing,
 Where his mother stands by right
 Next to his late father, the colonel.
 She did not forget; she did not marry;

COMMISSION EXHIBIT 106—Continued

Уикому друзину нечужиня
 Она мала несет свою муку.
 Поклони, как встретили, ей руку!
 1955 г.

==//==

Под камнем где лежит Серова
 Мать и многих верная жена,
 Не правда ли, интересная картина
 Ведь в первый раз лежит она одна

==//==

No one else needs her.
 She is carrying her sorrow silently.
 Kiss her hand when you meet her!
 1955.
 Under this stone lies Valentina Serova,
 A faithful wife of mine and of many others;
 Is it not a curious thing that
 She lies alone for the first time?

COMMISSION EXHIBIT 106—Continued

Что ж такое случилось,
Этo башне не могли мы вкость?
Зде не так мы сказали,
Ступили не так и пошли,
И в которм часу,
На каком трохиди троклетом месте
Мы амблемь с тобою
И поправить уже не могли.
Всё б зноить это место
Так могли вернуться, пошолу?
Но сё не найрешь
До и не оло вове сё!
В нашей молодой книге
Не оудет занисано ~~никогда~~
Как сё мы мстай
Все равно не прогнать немо.
(„Тять сфранцу“). N

What has happened that we can no longer
Be together?
When was it that we said a wrong thing,
Made a wrong step and went on,
And at what hour,
At what thrice-accursed place
Did you and I make a mistake
And could we no longer correct it?
If we did know this place,
Then, perhaps, we could come back?
But we cannot find it,
And, moreover, it has never existed.
In our book of complaints
No complaints will be written down;
No matter how you leaf through it,
You would not be able to read anything.

COMMISSION EXHIBIT 106—Continued

— * — * —

Раз так стáрзлось,
Что женщ́ина не любит.
Ты с дру́збой лишь
На терпш́их стига.
И счастлив тот,
Кто разом всё отрубит
Зубом, чтоб не вернуться никогда...
("Первая любовь")

= // =

If it so happens
That a woman does not love you,
You will only suffer shame
Hanging on to friendship.
Fortunate is the one
Who cuts off everything at once
And goes away, never to return . . .
("First Love")

COMMISSION EXHIBIT 106—Continued

|||| = |||| = |||| = ||||

Лучше в судорогах дышать,
Бредить при смерти на косях,
Чем вчерашнего убийцу
Взять в домашние бредни.
Чем летучее сердце
И терпение твоё,
Лучше пусть умрет в муках
Сердце серое мое.

~ || ~

P

Better to struggle in convulsions,
To be in delirium at death's door at night,
Than to take yesterday's murderer
As a family doctor.
Better than a slothful treatment
And your patience, (?)
That my poor heart
Die in suffering.

COMMISSION EXHIBIT 106—Continued

~ ~ ~ ~ ~

Жизнь свою поймет не каждый,
 В жизни надо много пережить
 Ошибиться можно, но не дважды,
 А иначе трудно будет жить.
 Жизнь скучна, пуста, неинтересна,
 Если ты не сможешь полюбить,
 Полюбить от всею души и телом,
 Только другу преданною быть.
 Берегись внезапных увлечений,
 Тил пройдет, а тети не вернешь.
 Слишком много будет огорчений,
 Если правду жизни не поймешь.
 Не обманывай себя успехам
 Среди многих молодых людей,
 Ты нужна им только для утех.
 А для жизни нужен лишь один.
 А когда он в жизни встретишь,
 Когда почувствуешь, что это он,

Not everyone can understand his own life;
 One has to experience a great deal in life;
 One could make a mistake, but not twice;
 Otherwise, it would be difficult to live.
 Life is boring, empty and uninteresting,
 If you are unable to fall in love;
 To fall in love with all your heart, honestly,
 And be devoted only to your friend.
 Beware of sudden infatuations,
 The ardour will pass, but you cannot regain honor;
 There will be too much distress
 If you are unable to understand life's truth.
 Do not deceive yourself with success
 Among many young men;
 They need you only for amusement,
 But for life you need only one.
 And when you meet him in life

COMMISSION EXHIBIT 106—Continued

Ты поймешь, что остальное только ветер
 Что остальное оно просто сон.
 Друг, быть может, сразу не поверит
 Верить слугам, пойми, человек.
 А когда всю любовь поверишь,
 Ты отдайся ей и навсегда
 Потому что друг ревнивец.
 (Кто из нас не ревновал друзей!)
 Ты не будешь никогда счастливой
 Если ты отдашься, & но не все (?)
 Если друге нет с тобой друзей,
 Виновата в этом только ты (?)
 И сердиться на него не надо,
 Все секреты жизни так просты.

— " —

R

When you will feel that he is the right one,
 You will realize that the others were only passing fancies,
 The others were only a dream.
 Perhaps your friend would not believe at once;
 You understand, one must not trust chance;
 But when you believe in his love,
 Give yourself to him completely and forever,
 Because your friend is jealous.
 (Who among us was never jealous, friends!)
 You will never be happy
 Unless you give yourself wholly, (?)
 If you have no friend by your side,
 You are the only one to blame, (?)
 You must not be angry with him,
 All secrets of life are so simple.

Translator's Note: Question marks in parentheses in this poem were apparently inserted by Marina Oswald

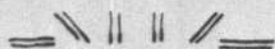
≈"≈"≈"≈

Если жизнь подшутит грубо,
 Заметет дорожку впереди,
 Все равно упорно, стиснув зубы,
 Не сходи с извечного пути.
 Но ты вправе упрекнуть,
 Хотя люди есть и хуже.
 Все дело в том, как тут взлелеять:
 Тошнота или похмелье.
 Тошнота — это не, всё же не,
 Он парень неплохой,
 Не требуй слишком с него,
 Спасибо, что такой.
 Тошнота всегда — жестока, увы,
 Снимки не были друзьями вы!
 Кто в дружбе одиозен,
 Тот просто так ... приятель.

=//=

If life makes you a victim of a crude joke,
 And blocks the road ahead of you,
 Just the same, stubbornly clenching your teeth,
 Do not leave the road upon which you started.
 You have the right to reproach him;
 Although there are people who are worse,
 But it is the way you look at it:
 Broader or narrower point of view.
 Narrower: oh, well, that is all right,
 He is not a bad fellow, after all;
 Do not demand too much of him,
 Be grateful for what he is.
 A broader view: alas, it is cruel;
 You were not with him, my friends!
 A Philistine in friendship
 Is just a . . . friend.

COMMISSION EXHIBIT 106—Continued

Пусть прокляну впоследствии
Твои черты лица.

Любовь к тебе, как бегство

И нет ему конца.

Нет друга, нет товарища,
Этот среди бела дня

Из этого похарища

Мож вытащить себя.

Отказываясь в спасении,

Сам будешь нараву

Как при землетрясении

И при тебе наву.

Когда от наводнения

Себя освободу

В ответ на осуждение

И про тебя скажу:

"Зачем считать грехи и

Безу и добра, и зла.

T

I may curse later
Your features;
To love you is like a disaster
To which there is no end.
There is no friend, no comrade
Who could drag me out of this conflagration
In the broad light of the day.
Despairing of salvation,
I dream in the daytime
And live near you
As near an earthquake.
When I get myself free of a phantom,
I will say in reply to a
Criticism against you:
"Why count her sins?
She is neither good, nor evil."

COMMISSION EXHIBIT 106—Continued

С. Есенин.

Ты меня не любишь, не жалелушь,
 Разве я не молод, не красив?
 Не смотри в лицо от страсти рдеешь.
 Мне на плечи руки опустишь
 Молодая с чувственным оскалом.
 Я с тобой не нежен и не груб,
 Расскажи мне сколько ты ласкала.
 Сколько губ ты знаешь, сколько губ?
 Знаю я, они прошли, как тени,
 Не коснувшись моего огня,
 Личишь ты сейчас не коленям,
 А теперь сидишь вот у меня.
 Пусть твои полукривити очи.
 И ты думаешь о чем-то о другом
 И я сам люблю тебя не очень
 Утоная в дальних дорогах.

и

S. Esenin

You do not love me; you are not sorry for me;
 Am I not young and handsome?
 You get rosy with passion
 Without looking at my face,
 Putting your hands on my shoulders.
 Young one, with a sensual grin,
 I am neither tender nor rough with you;
 Tell me, how many did you caress,
 How many lips do you know, how many lips?
 I know, they passed like shadows,
 Without touching my flame.
 You sat in many a man's lap,
 And now you are sitting in mine.
 Let your eyes be half-closed,
 You are thinking about something else.
 I myself am not very fond of you,
 Losing myself in the far-away dear things.
 Do not call this ardour—fate;

COMMISSION EXHIBIT 106—Continued

Этот миг не называй судьбою.
 Переодевшись, забывай себя.
 Как случайно встретимся с тобою.
 Улынувшись, спокойно разойдись.
 Да и ты пойдешь своей дорогой
 Раскидать безрадостные дни.
 Только нецеловавшихся не трогай.
 Только негоревших не жаль!
 И когда с другим по переулку
 Ты пройдешь, бьется про любовь,
 Искосит зренье, и взгляду на прохожую
 И с тобою встретимся мы вновь.
 Отвернув к другому близкие плечи,
 И немного наклонившись вниз,
 Ты ~~уже~~ скажешь тихо: „Федрий вечер“
 Я отвечу: „Федрий вечер, мисс“
 И никто души не потревожит,
 И никто ее не бросят в огонь
 Кто молчал, тот вновь молчать не смолкнет
 Кто сгорел, того не подожгут.

A hasty bond is fickle;
 As we meet by chance,
 I will smile, calmly separating.
 You, too, will go your own way,
 To scatter joyless days.
 Only do not touch the unloved ones,
 Do not entice the ones who have not burned!
 And when you walk along the lane
 With another, chattering about love,
 Perhaps, I will go out for a walk
 And we will meet again.
 Turning your shoulders closer to another one,
 And bowing slightly
 You will say low to me: "Good evening."
 And I will answer, "Good evening, Miss."
 And nothing will trouble my soul,
 And nothing will make her tremble,
 One who loved cannot love again;
 One who was burned, can no longer be ignited.

COMMISSION EXHIBIT 106—Continued

Writing on the inside of the back cover of the notebook: "Schicklgruber, Adolf (H.)"

COMMISSION EXHIBIT 106—Continued